

МЕСТНАЯ ИСТОРИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В настоящее время все большее внимание исследователей привлекает проблема дифференциации всемирной истории. Традиционное разделение на национальные истории, истории отдельных регионов, общую и местную историю ставит перед необходимостью четкого определения принципов, предметных границ и взаимосвязи различных исследовательских систем, лежащих в основе существующих градаций.

Более того, развитие исторической мысли подошло к такому рубежу, когда дальнейший прогресс зависит от степени освоения конкретно-методологических проблем, преодоления резкой поляризации различных концептуальных подходов. Все более четко обрисовываются контуры непростой задачи, стоящей перед отечественными историками: на основе тщательного анализа философско-исторических теорий углубить изучение мирового и российского исторического процесса, что несомненно позволит выработать новые общие и частные концепции исторического развития. Нужен синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних и замена их другими под флагом борьбы за идеологическую непорочность исторического знания.

В последнее десятилетие в российской историографии сложилась своеобразная ситуация, когда не только ведущие ученые страны, но и местные («региональные», «периферийные») историки получили благодатную возможность познакомиться с малоизвестной дореволюционной отечественной и зарубежной историософской литературой разных школ и направлений. Естественной реакцией на «узнавание» стала публикация методологических и теоретических работ, поворот к этим проблемам специальных периодических изданий.

Современная ситуация в отечественной историографии все заметнее отражает упрочивание позиций, более того идеологии «нового направления», сыгравшего значительную роль в развитии европейских национальных исторических школ. Проявляется это прежде всего в стремлении расширить исследовательские границы, очистить «территорию историка» от различного рода идеологических, псевдонаучных, догматических завалов и банальных схем, освоить эту территорию по всем направлениям — не только магистральным, но и проложить новые тропинки в непознанные области истории. Прежде всего речь идет о выяснении характера существующих в истории обобщений, состоянии источниковой базы проведенных исследований, выявлении пробелов в историческом знании, установлении логической смысловой связи между различными направлениями, течениями и школами.

В этой связи особую значимость приобретают теоретические проблемы местной истории. Как известно, всеобщая (всемирная) история не рассматривает, да и не может рассматривать, историю всего человечества. В поле ее внимания попадают лишь отдельные страны и народы. Обусловлено это рядом обстоятельств. В первую очередь характером дошедших до нас источников, ролью, реальной или мнимой, этих народов на исторической сцене, степенью их цивилизационного развития.

Естественно, что при таком подходе вне исторического исследования, в рамках всемирной истории, оказывается значительная часть народов. В лучшем случае их история становится предметом так называемой местной истории, изучающей исторический процесс в четко определенных географических границах. Обращаясь к этой проблеме, В. О. Ключевский утверждал, «что исторический процесс бывает или местный, или общий»¹. По-видимому, речь может идти не о противопоставлении этих процессов, а признании развития в двух пересекающихся, взаимодействующих плоскостях общего и местного исторического процесса.

Всемирная история позволяет в рамках общего исторического процесса осмыслить место каждого народа в истории. Местная же история, сохраняя объект исследования, резко меняет представление о масштабе. По мере «сужения» исследовательского поля увеличивается масштаб исследования, в сферу внимания попадает большее количество единичных фактов и событий. Расширение исследовательского поля соответственно уменьшает масштаб, многие явления (специфические, местно-го значения) выпадают из анализа. При таком подходе история тяготеет к глобальным выводам, выявлению общих закономерностей.

При этом важно заметить, что история любого народа имеет несколько исследовательских уровней, «пластов»: этническая история, позволяющая концентрировать внимание на истории отдельных этносов, — история славян, история адыгов, история варягов и т. п.; национальная история, в основе которой лежит история государств — история Англии, история России, история Адыгеи и т. п.; региональная история, объединяющая историю народов в определенных

территориальных границах — история Европы, история Америки, история Северного Кавказа и т. п.

В самой идее разделения исторического процесса заложена значительная доля условности. Исследуя местную историю, историки, как правило, концентрируют внимание на элементах общественного развития, сложившихся на определенной территории под влиянием конкретных местных условий, т. е. речь идет о внутренних импульсах развития, их самобытности. Этим методологическим посылом чаще всего определяется характер исследований местной истории. Фактически изолированной от процессов мировой истории оказалась история не только «малочисленных» народов нашей страны, но и в целом история России. Сосредоточение исследовательского внимания на внутренней истории неизбежно приводит не только к искажению представлений о развитии отдельных народов, но и порождает стремление исследовать их историю как самостоятельное явление, без сопоставления с историей других стран и народов. Возникает вопрос, насколько возможна такая изоляция или самоизоляция? К этой проблеме обращались многие историки и философы. А. Дж. Тойнби поставил вопрос о «умопостигаемости» поля исторического исследования отдельного национального государства, избрав в качестве объекта исследования Англию, как одного из наиболее географически изолированных европейских государств. Проанализировав ситуацию в разных временных измерениях, А. Дж. Тойнби пришел к выводу, что даже в этом, исключительном случае не стоит преувеличивать степень «великолепного одиночества» этой страны². Усиливаясь, исторический поток все более и более втягивал Англию в сложную систему внешнеполитических, экономических и торговых отношений.

Вне всякого сомнения, поле исследования не может быть ограничено национальными рамками. Историческое развитие народов стимулируется или задерживается не только внутренними, но и внешними факторами. При этом на определенных этапах именно внешние факторы играют определяющую роль, круто меняя условия жизни, характер хозяйственной деятельности, демографическую ситуацию, ментальность. Та!Х, монголо-татарское нашествие, революции, мировые войны и другие события этого ряда, резко изменив ход истории, оказали решающее влияние на судьбы многих народов.

В отечественной историографии XIX в. понятие «местная» история получило конкретную смысловую нагрузку: общая история — это история России, вернее русская история, в то время как местная история — это история всех других народов, входящих в состав Российской империи. При этом местная история сводилась к эпизодическим сюжетам и событиям, придающим «национальный» колорит российской истории. Как правило, при этом не учитывалась ни древность, ни особенности исторического пути народов: их история начинала приобретать академический характер только с момента вхождения в состав России.

Неудивительно, что первое упоминание о «горских племенах Кавказа» нередко связывалось с политикой Николая I по «умиротворению» Кавказа. «Живя в горах между русскими владениями, — писал известный отечественный историк С. Ф. Платонов, — полудикие кавказские народцы (черкесы, чеченцы и др.) мешали сообщениям русских с Закавказским краем и беспокоили русское население на Кубани и Тереке»³. Это извлечение сделано не из какой-нибудь редкой монографии, изданной небольшим тиражом для специалистов, а из учебника по истории России, увидевшего свет в 1909 г. и официально признанного «лучшим учебником из всех существующих, самым подходящим для школы»⁴.

Замечу только, что к тому времени народы Северного Кавказа уже более пятидесяти лет входили в состав Российской империи, но тем не менее многовековая история этих «народцев» продолжала оставаться «загадочной землей». Очевидно, что даже в академических кругах России не сложилась естественная потребность к познанию их истории. История народов России, по-прежнему, было «другой» историей, а в массовое сознание россиян внедрялись заведомо извращенные факты и представления. Не хотелось бы проводить прямых параллелей, но, бесспорно, истоки современного «дремучего» незнания истории народов России продолжают порождать крайне опасные деформации в общественном сознании.

В советское время неоднократно предпринимались попытки «продвинуть» изучение истории народов России, создать органичную историю уникального многонационального государства. Начиная с 30-х гг., когда разработка 'первых советских учебников стала не только государственным, но и партийным делом, эта проблема продолжала сохранять свою значимость. Были созданы многотомные исследования по истории народов страны, изданы тысячи монографий и статей, систематически проводились научные конференции (всесоюзные,

всероссийские, региональные).

В результате сложились и, более того, утвердились общие подходы, принципиально повлиявшие на характер подобного рода исследований. К ним, в первую очередь, может быть отнесено стремление к «подтягиванию» местной истории к уровню, как считалось — более высокому, русской истории. Исследуя историю отдельных народов или регионов России, историки стремились «подогнать» ее под уже исследованные явления в центральной России, в лучшем случае упоминая о специфических особенностях. В равной степени это относилось к политическим, социально-экономическим и, что особенно трагично, к историко-культурным процессам («Культурная революция в СССР», «Культурная революция на Украине», «Культурная революция на Северном Кавказе» и т. п.).

Не менее сложная историографическая ситуация складывается и в наши дни. «Открытие» новых для отечественной историографии идей, восхищение их неординарностью достаточно своеобразно проявляется в стремлении применить к истории России теоретические подходы, выработанные на основе изучения исторического опыта народов Европы. Однако при этом не учитывается, что в каждой системе ценностей имеются свои критерии, различающие явления существенные и несущественные. Более того, понятие существенного в истории меняется и по мере развития, идет как бы «естественный отбор» исторически значимых событий.

В связи с этим весьма остро встает вопрос о «переписывании» истории. Как правило, он связывается, что нередко соответствует истине, с конъюнктурными явлениями. В то же время эта проблема не может быть сведена лишь к такому прямолинейному объяснению. Известно, что все сделанное в науке имеет тенденцию старения. Такова не только судьба, но и смысл научной работы, именно в этом и состоит ее отличие от всех остальных элементов культуры. Всякая талантливая работа не только «не закрывает» темы, но и порождает новые вопросы, как бы раздвигая границы видения.

Каждая эпоха нуждается в своем осмыслении истории. И в этом смысле весьма важно освоить современный опыт развития альтернативных направлений истории. Разработка местной истории, в русле исторической антропологии, исторической демографии, исторической психологии, истории ментальностей способна придать новый импульс познанию истории народов, сделать ее более насыщенной и полнокровной. Конечно, при этом важно не попасть под обаяние «своей» национальной истории, избежать ее мифологизации, последовательно оставаясь на позициях критического анализа, независимого от идеологических предрассудков.

¹ Ключевский В. О. Методология русской истории. Соч. В 9 т.— М., 1989. Т. VI. — С. 32.

² Тойнби А. Дж. Постигание истории^ Сб. — М., 1996. С. 19.

³ Платонов С. Ф. Учебник русской истории. — М., 1992. С. 338.

⁴ Там же. С. 13.